

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-176-186
УДК 93/94(47)

Причины и условия развития общинного религиозного движения женщин в период великих реформ XIX века

протоиерей Владимир Александрович СЕРГУНИН

¹Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6959-5298>, e-mail: vlaserg@gmail.com

Reasons and conditions for the development of women community religious movement in the period of the great reforms of 19th century

archpriest Vladimir A. SERGUNIN

¹Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation

²Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6959-5298>, e-mail: vlaserg@gmail.com

Аннотация. Посвящено истории женского монашества второй половины XIX – начала XX века. Исследованы причины и условия растущей динамики женского религиозного общинного движения. Среди причин рассмотрены: деградация системы традиционных духовных ценностей (семья, брак, детность, секуляризация быта); падение показателей брачности, вызванное оттоком мужского населения на воинскую службу и трансформацией гендерного поведения; рост образованности, личностного самосознания и социальной активности женщин. Названные причины стратифицируются в отношении городского и сельского женского населения. В качестве основного события, повлиявшего на показатели количественного роста монастырских обителей, рассмотрен предопределивший системные изменения в жизни государства и общества Высочайший Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г., окончательную редакцию которого сделал святитель Филарет (Дроздов). На общероссийских и локальных примерах прослеживается процесс модернизации традиционного общинного уклада, утрата которого восполнялась общежительным (киновным) укладом монастыря. Приведены статистические показатели роста женской монашеской активности на протяжении второй половины XIX века. Акцентируется внимание на вопросе изменения менталитета под влиянием модернизации, практицизма, рационализма. В качестве наиболее влиятельной силы, изменившей традиционный менталитет женской части населения Тамбовской губернии, охарактеризовано отходничество. Приведены свидетельства русских писателей, подтверждающих как общее падение духовно-нравственных ценностей, так и стремление защитить традиционные духовные ценности. Женская монастырская община рассмотрена как модель преемственного сохранения традиционных духовных православных ценностей. Приведены примеры высокого служения женщин-монахинь XIX века.

Ключевые слова: традиция; модернизация; киновия; женская община; женское монашество; реформа 1861 года; духовно-нравственное состояние русского общества

Для цитирования: Сергунин В.А., протоиерей. Причины и условия развития общинного религиозного движения женщин в период великих реформ XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 188. С. 176-186. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-176-186

Abstract. The article is devoted to the history of women monasticism in the second half of the XIX and the beginning of XX century. The reasons and conditions of growing expansion for women religious and community movement are being explored. Among the reasons the following are considered: degradation of the system of traditional spiritual values (family, marriage, childhood, secularization of everyday life); decrease of marriage rates, caused by an outflow of the male population to military service and transformation of gender behavior, increase of education, personal identity and social activity of women. The named reasons are stratified in relation to urban and rural female population. The Highest Manifesto on the Abolition of Serfdom of February 19, 1861, the final edition of which was made by St. Philaret (Drozdov), is considered as the main event that influenced the indicators of the quantitative growth of monastic cloisters, which predetermined systemic changes in the life of the state and society. On the basis of all-Russian and local examples, the process of modernization of the traditional communal order is traced, the loss of which was made up for by the communal (cenoby) way of life of the monastery. Statistical indicators of the growth of female monastic activity during the second half of the XIXth century are presented. Attention is focused on the issue of changing mentality under the influence of modernization, practicality, rationalism. The most influential force that changed the traditional mentality of the female part of the population of the Tambov province is characterized by *otkhodniki*. The testimonies of Russian writers are presented, confirming both the general decline of spiritual and moral values, and the desire to protect traditional spiritual values. The female monastery community is seen as a model for the successive preservation of traditional spiritual Orthodox values. Examples of the high devotion of women nuns of the 19th century are provided.

Keywords: tradition; modernization; cenoby; female community; female monasticism; the reform of 1861; spiritual and moral state of Russian society

For citation: Sergunin V.A., archpriest. Prichiny i usloviya razvitiya obshchinnogo religioznogo dvizheniya zhenshchin v period velikikh reform XIX veka [Reasons and conditions for the development of women community religious movement in the period of the great reforms of 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 188, pp. 176-186. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-176-186 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Середина XIX века ознаменовалась заметным увеличением количества женских обителей, что позволило исследователям говорить о феминизации монашества. Известно, что от начала пореформенного периода до событий 1917 г. число женских монастырей возросло в 3,8 раза, тогда как мужских – в 1,2 раза. При этом женские монастыри были еще более густо населены: количество насельниц женских обителей к 1914 г. возросло в 7,5 раза, а мужских – в 2,4 [1, с. 305]. Источником прироста женских монастырей являлись общины: из известных на 1896 г. 156 общин 96 получили статус монастыря [2, с. 209]. Этот процесс отвечал стремлению иерархов Церкви ввести в монастырях киновию, как организацию, отвечающую аскетическому монашескому деланию. Государство было заинтересовано в общежительных монастырях еще и потому, что в них пресекалась излишняя свобода передвижения монашествующих, которые часто переходили из одной обители в другую, что, по мнению синодальной власти, не способствовало укреплению дисциплины. Синодальная власть ус-

матривала в общежительных монастырях не только духовную, но и материальную пользу: штатные особножительные монастыри получали жалование, а многочисленные общежительные (киновии) существовали на основах благотворительности и самоорганизации. Сказанное не значит, что общежительные монастыри не могли быть штатными, при соответствующем решении Синода они могли стать таковыми. Статус штатного монастыря обязывал к социальной активности: миссионерской, образовательной, благотворительной [1, с. 19-22]. Заметное увеличение женских общин пришлось на середину XIX века, когда в ходе великих реформ осуществились масштабные перемены в организации быта, в том числе и монастырского. Главным средством преодоления опасных тенденций в жизни монастырей являлась киновия, основанная на соблюдении общежительного устава. Это средство переустройства монастырей опиралось на живую успешную практику женского общинного движения. Успех и перспективы женского общинного движения побудили Святейший синод в 1869 г. принять

решение о постепенном переходе всех монастырей к общежительному уставу [1, с. 21]. Целью монастырской реформы было пресечение влияния на монашествующих мирского образа жизни. Развитие ремесел, промыслов, коммерциализация монастырей и прочее ограничивалось¹.

Нарастающая динамика женского общинного движения наблюдалась в условиях массового разложения крестьянских и городских общин, чему способствовали великие реформы Александра II. Исходя из обусловленности монастырского реформирования 60-х гг. XIX века общим ходом великих реформ, необходимо детально осветить вопрос – как связан процесс феминизации российского монашества с проблемами, которые породила реформа, принципиально изменившая бытовой уклад жизни всех российских сословий, немалое число представителей которых оказалось перед лицом социокультурного кризиса. Положение двух сословий, которых прежде других коснулись реформы, замечательно характеризует крылатая фраза из поэмы Николая Алексеевича Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»: «...распалась цепь великая. Распалась и ударила, одним концом по барину, другим по мужику».

Причины феминизации русского монашества исследователи объясняют по-разному: изменением социально-экономического положения женщины в результате отмены крепостного права, как например, П.Н. Зырянов, И.К. Смолич, С.Л. Фирсов [1; 3; 4], гендерными процессами и изменением статуса женщины в семье, как например Е.Б. Емченко [2, с. 264-265], распространением европейского типа брака и приоритетным стремлением к образованию и карьере, как Е.В. Белякова [5, с. 139-161]. Религиозный подъем, рост и активность женского монашества И.К. Смолич и архим. Георгий (Тертышников) связывают с влиянием старчества [6], с его требованием аскетического образа жизни в миру и в монастыре, где этой цели соответствует соблюдение общежительного устава.

В элитарном дворянском сословии и в среде крестьян в результате реформаторских трансформаций, помимо социального, мо-

рально-психологического напряжения, возникло отчуждение к вертикали власти. Очень тонко это почувствовал философ-славянофил Ю.Ф. Самарин (1819–1876) и выразил в идее «демократического самодержавия», где власть понималась как отцовство и освещалась в иерархии отношения верующего к Отцу Небесному [7, с. 68]. В условиях отторжения от вертикали власти духовное равновесие могла поддержать община, организованная как корпорация; идея такой общины обоснована историком-монархистом Л.А. Тихомировым (1852–1923) [8, с. 65]. Но этот вариант спасения традиционного народного быта не был поддержан интеллигенцией, которая уповала на западноевропейский опыт организации парламентских систем. Народ оказался ничьим, чем и воспользовались революционеры-агитаторы, а в области религиозной – сектанты.

Тем не менее реформы 1860-х гг. были рассчитаны на природную религиозность народа, о чем говорят важнейшие моменты обнародования Манифеста 1861 г., подписание которого состоялось накануне Великого Поста, а оглашение – на Прощеный день. Однако на высочайше дарованную свободу народ ответил возмущением. О том, что царский «Манифест» вызвал непонимание у тамбовского крестьянства, свидетельствует пастырская беседа прот. Иоанна Кобякова, опубликованная в Прибавлениях к Тамбовским епархиальным ведомостям за 1861 г. [9, с. 225-230]. В частности, в тексте беседы о. Иоанна писано: «До сведения моего дошло, что многие из вас не вразумели этого Слова, – поняли оно не так, как бы следовало понять... Но что же это за воля? Та ли не обузданная вольность, не терпящая никакого Начальства и ничьей власти над собою, о которой мечтали неразумные из вас? Нет, други мои, от такой воли да спасет нас Господь Бог! И кому подражают те, которые волнуются против установленных властей и не хотят повиноваться им? Не ясно ли, что они подражают в этому тому исконному врагу нашего спасения, который за своеволие из светлого Ангела сделался дьяволом?.. может ли быть свобода там, где нет Духа Божия? Нет. Ибо сказано: идеже Дух Господень ту свобода (2Кор. 3,17) <...> Значит, чтобы быть свободным, надо возгревать в себе благодать Божию, а для этого надо исполнять заповедь Божию, надо быть благочестивым и

¹ Статистический временник Российской империи. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутренних дел. 1866–1890. Сер. 3. Вып. 18. СПб., 1887. С. 186.

добродетельным, надо жить не так, как бы нам хотелось, а как законы Божии и гражданские повелевают... Заметьте, как много надеется на вас Государь: “Полагаемся и на здравый смысл нашего народа”, взывает Он с высоты престола своего. <...> Царь в государстве тоже, что отец в семействе» [9, с. 225-230].

Делегирование народу «Манифестом» 1861 г. свободной воли не было принято, как благо, ни крестьянством, ни дворянством, традиционный бытовой уклад жизни которых был разрушен. Закономерно, что разрушение быта связывается с такой традиционной ценностью, как община. Хотя в 1860-х гг. общинные формы уже находились в состоянии разложения, с отменой крепостного состояния и иными реформами они не были уничтожены совершенно. Помимо того, оставалась церковная община. Сравнительная характеристика монастырской, сельской и церковной общин не составляет здесь предмета специального рассуждения, но остановимся на некоторых аспектах этой перспективной темы в осмыслении причин растущей динамики женского монашеского общежительства во второй половине XIX века.

Традиционный уклад жизни русского мира разрушался перед вызовами модернизации, личностное становление протекало в условиях «борьбы менталитетов» [10, т. 1, с. 337]. На смену крестьянскому менталитету, который «находился в соответствии с идеалами православия» и который «правильно назвать традиционным православным менталитетом» [10, т. 1, с. 331], приходил буржуазный, с его фетишизацией прибавочной стоимости [10, т. 1, с. 328]. Представители традиционной ментальности не могли не реагировать на усиление секуляризации сознания: нехождение к исповеди, даже на Пасху, формальное обрядоверие, отказ от метафизического мировосприятия, атеизм в среде неграмотного крестьянства и интеллигентно-городжан [10, т. 1, с. 327-454]. «В результате реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов переживала трансформацию, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма [10, т. 1, с. 332]; «хищничество в деревне входило в моду» [10, т. 1, с. 334].

Конкретно в тамбовской деревне ошутимый удар по традиционному менталитету нанесло отходничество. «Тамбовская губерния, наряду с Рязанской, Костромской и пр., давала наибольшее число отходников в столицу... Под влиянием отходничества крестьянство знакомилось с ценностями и стилем поведения светских, секулярных людей... До эмансипации идеалами крестьянства были терпение, самопожертвование, солидарность, равенство, справедливость и взаимопомощь, а после реформы – рациональность и расчет [10, т. 1, с. 340]. Право отходнических заработков получили и женщины, что изменило их ментальность. Б.Н. Миронов, со ссылкой на А. Мехова, так характеризует быт отходников: «Вино, карты, <...> фланирование по улицам, садам, посещение пошлых театральные «новинок» – вот почти постоянное проведение свободного времени <...> Женщины, пожив года два–три по паспорту в Петербурге, так переменяются, что когда они возвращаются домой, то не хочется верить глазам своим, что это те самые женщины: они делаются расторопны и в обхождении, и в разговорах... жаль только, что у них там портится нравственность и вместе с тем постепенно исчезает привязанность к сельской жизни» [10, т. 1, с. 338-339]. Падение традиционной нравственности увеличило преступность в два раза [10, т. 1, с. 476]. В селе, как показывают материалы доклада В.Я. Гуревича (представителя русской группы конференции Международного союза криминалистов, состоявшейся в Санкт-Петербурге в 1914 г.), причиной роста хулиганства являлись беднейшие представители крестьянского социума и отходники: «...крушение традиционной крестьянской морали, ломка патриархального чина деревенской жизни, падение авторитета стариков и старших; независимость молодежи благодаря денежному хозяйству и разрушение солидарности интересов членов двора; разница в развитии и кругозоре молодежи и стариков, отцов и детей; разрушение общественно-мирских начал и замкнутости прежней крестьянской морали, поддерживаемой принудительностью и силой общественной солидарности и коллективизма; разрушение общины и прежней ответственности при не создавшейся новой; эмансипация личности от мира и конфликты личных интересов с мирскими; разложение еди-

ного общественного мнения; противопоставление личности обществу; повышение ощущения своего «я» и значения своих интересов, личной независимости» [10, т. 1, с. 475-476].

Падение социального статуса отца – главы семейства компенсировалось отчасти повышением роли женщины в семье. Там, «где мужчины на долгое время уходили на заработки», женщины выполняли роль глав семейств; «с ними стали больше считаться и в сельскохозяйственных губерниях, и там они стали иметь больше прав» [10, т. 1, с. 319]. Однако, несмотря на видимые изменения в распределении гендерных ролей, положение женщины в традиционном мире оставалось «социально неполноценным» [10, т. 1, с. 319]. К началу XX века завершился переход от составной или расширенной семьи к нуклеарной, изменились гендерные роли и система воспитания детей в беднеющих малых семьях [10, т. 1, с. 184], отток потенциальных брачных партнеров в армию и в отход – все это не делало крестьянскую среду комфортной для личностной реализации женщины. «...призывы в армию крестьян увеличились на 2,1 % и составили 17,4 %... И это притом, что в пореформенной России проходила индустриализация, в деревне росло малоземелье, и крестьянство испытывало большие экономические трудности... Многие из отходников, отправлявшихся на заработки в город, оставляли свои семьи в деревне... Большое число мужчин в городе жило без жен, а женщин в деревне – без мужчин. В 1897 г. в городах только 60 % мужчин бракоспособного возраста состояли в браке, а в деревне – 76 %, женщин – соответственно 53 и 69 %. <...> В результате один член семьи жил в городе, остальные – в деревне» [10, т. 1, с. 317]. Введение всеобщей воинской повинности, 5–7-летняя служба делала крестьянина грамотным, расширяла кругозор, приучала к иным, лучшим условиям жизни в отношении питания и гигиены. При возвращении после армии в деревню бывший солдат на все смотрел иначе, чем до службы, и многое в общинных порядках ему не нравилось [10, т. 2, с. 476]. В силу перечисленных обстоятельств упал уровень брачности, 15 % молодых людей брачного возраста в брак не вступало [10, т. 2, с. 284].

Среди условий, в которых нарастало женское движение к монашеству, необходи-

мо назвать демографический взрыв, который наблюдался к концу XIX века, несмотря на «демографический переход от традиционной к современной, более эффективной с точки зрения материальных, психологических и физических затрат со стороны родителей и общества модели воспроизводства населения» [10, т. 2, с. 184]. Перенаселенность крестьянского мира создавала стрессовые условия для успешной социализации, в особенности это касалось женщин. Снижение уровня брачности, отток мужского населения из села, падение нравственности, секуляризация сознания – все это не способствовало нахождению социальной ниши, позволявшей осуществлять личностную самореализацию в соответствии с традиционными православными ценностями.

Факт разрушения традиционного общинного менталитета тамбовского крестьянства засвидетельствовали писатели-народники Г.И. Успенский и Н.Н. Златовратский, поэтизовавшие общину [10, т. 2, с. 484], однако, сформированный в общине навык духовно-нравственной жизни входил в противоречие с новыми буржуазными ценностями. Не только в крестьянской, но и в среде городской интеллигенции, сознание оставалось антибуржуазным [10, т. 2, с. 317]. Само стремление любой ценой достичь материального благополучия противоречило народному менталитету, что доказывают данные периодической печати, например, контент-анализ материалов популярного журнала «Нива» [10, т. 2, с. 317-318]. Показательно и то, что среди общей массы книжного издательства лидером оставалась литература религиозная [10, т. 1, с. 348].

Реформы 1860-х гг., хотя и не разрушили структуру общинных отношений окончательно, существенно изменили систему ценностей, менталитет, особенно это коснулось «бывших помещичьих крестьян» [10, т. 2, с. 463]. Наиболее привязанные к крепостному праву крестьяне по выходе из крепости столкнулись с необходимостью найти себе место в чуждом им мире свободного предпринимательства. Исходя из сказанного, понятно, почему в отчетных ведомостях о составе монашествующих после 1860-го г. мы находим упоминания о бывших дворовых. Например, в ведомости Тамбовского женского Вознесенского монастыря от 1896 г. ука-

зывается, что часть послушниц поступила в обитель из числа дворовых и по просьбе помещиц, которые после эмансипации лишились возможности содержать дворню².

Таким образом, в крестьянских семьях изменился функционал социальных ролей: распались в ходе скандальных семейных переделов большие семьи; женщины получили доступ к образованию и заработку в городе; мужчина утратил былой статус главы семейства, так как находился вне семьи; обострилось неравенство в среде по социальному статусу равных селян – все это вело к падению нравственности. Прирост населения усугубляет нездоровую морально-психологическую обстановку: в условиях демографического взрыва ценность человеческой жизни теряется. «Лишними» становились и дворовые крестьянки: лишившись доходов, дворяне были вынуждены сокращать домашний штат. Монастырь привлекал крестьянских девушек и женщин, которые получили «права состояния свободных сельских обывателей», так как более отвечал традиционным народным религиозным представлениям о соборном начале общественного сосуществования.

Ломка бытового уклада наблюдалась и в среде мелкопоместного дворянства, которое составляло более двух третей привилегированного сословия. Не имея больше законных прав безвозмездно пользоваться крестьянским трудом, а также землей, чтобы их продажа покрыла насущные потребности, а также желания и таланта вести дела на основах свободного предпринимательства в жесткой конкурентной среде, – дворянство разорялось. Разорение и переход из барского сословия в чиновники, служащие не сопровождалось укреплением духовно-нравственных качеств, – напротив. Тому убедительные примеры дает русская литературная классика: А.И. Гончаров, И.С. Тургенев, Н.Г. Помяловский, Н.С. Лекков, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.И. Куприн, П.Д. Боборыкин, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.А. Бунин... Пьянство, разврат, суицид, раболепие, чванство, леность, пустословие – все это черты характера персонажей-дворян в романе «Княгиня» П.Д. Боборыкина, повести «Сухо-

дол» и рассказа «Антоновские яблоки» И.А. Бунина, семейной хроники «Захудалый род» Н.С. Лескова и пр. Персонажи-дворяне много говорят о благе народа и решительно не способны на конкретное дело. Даже благотворительность для главной героини романа «Княгиня» – это средство от скуки, «игра живыми куклами». Однако и удачливые в предпринимательстве дворяне симпатий литераторов не вызывают – не «барское это дело» обкладывать мужиков штрафами, жить доходами от питейного дела, давать деньги и продукты под процент. Герои-дворяне повести А.П. Чехова «Моя жизнь. Рассказ провинциала», романов «Новь» И.С. Тургенева, «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского – тому свидетельство. Предел духовно-нравственного слома живописуют слова Бориса Павловича Райского, героя романа И.А. Гончарова «Обрыв»: «...я не знаю, что я такое, и никто этого не знает... и притом я отжил, испортил, исказил... или нет, не понял своей жизни» [11, с. 185]. Освобожденное от ответственности за родовые и благоприобретенные земли дворянство ищет смысла и не находит. «О, это мление скуки – гибель русских людей!» – восклицает герой романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» Михалыч, приятель Федора Лаврецкого [12]. При всем этом, дворянство непрестанно рассуждает о народе и пользе труда, как это делают героини романа Н.С. Лескова «Некуда» Лиза Бахарева и Елена Бертольди [13]. Безысходность положения женщины-дворянки отметил М.Е. Салтыков-Щедрин: «...женщина, так сказать, фаталистически осуждена делать то, что ей не хочется, молчать, когда она чувствует желание говорить, говорить, когда она не имеет к тому ни малейшего поползновения; одним словом, осуждена соблюдать приличия, то есть кривляться» [14]. Была ли альтернатива скуки для девушек-дворянок? Была. После реформы они хлынули в столицы учиться на курсах, потом учительствовали в домах купчиков... Результатом такого выбора были неопрятные, мало привлекательные «эмансипе» в духе Ж. Санд, которых персонифицирует госпожа Кукшина, героиня романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Именно Кукшины после краха имперской России повязали красные косынки на остриженные волосы и надели кожаные комиссар-

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф 181. Оп. 1. Д. 2304. Л. 2-4. Ведомости о составе монашеских. 1896.

ские тужурки, это уже героини М.А. Булгакова. Дивно ли, что благовоспитанные дворянские женщины, успевшие получить не только образование, но и представление о дворянской чести и человеческом достоинстве, предпочли красным косынкам апостольники и куколки?

Итак, социальные отношения не успевали за ростом экономических преобразований. Реформы имели «не только позитивные, но и негативные последствия, например, многократный рост преступности и огромную имущественную дифференциацию, падение морали, рост эгоцентризма и культа материальных потребностей, распространение массовой культуры и других опасных тенденций власти «толпы» [10, т. 2, с. 358-359]. В этих условиях архаичная, но стабильная модель социального взаимодействия в традиционной общине мотивировала стремление части населения сохранить ментальную преемственность. Аргументом в пользу жизнеспособности общины как традиционной формы социальной организации, собственно, и является растущая динамика монастырской кинонии. Стремление женщин к личному благополучию, как следствию благополучия общинного, могло быть реализовано именно в монастыре, который вследствие реформ стал «зоной соприкосновения города и села» [10, т. 1, с. 348], так как он находился между традиционным и новым менталитетом. Признание власти Божией как альтернативы власти толпы, ставшей «опасной тенденцией» модернизации [10, т. 2, с. 358], явилось естественным выбором и ментальным основанием роста женского монашества в пореформенное время, и этот прирост осуществлялся преимущественно за счет крестьянской среды, меняющейся под влиянием урбанизации.

Утрата веры в отеческое покровительство Самодержца, нарушение духовно-нравственных связей в семье создавали острую потребность в авторитетном руководстве, которое верующие находили в лице старчества, по инициативе и при поддержке которого создавались женские общины и монастыри. Отрадно заметить, что Тамбовская епархия непосредственно связана с самыми любимыми верующим народом старцами: по преданию, в правление епископа Феофила (Раева) в 1794 г. в Казанском монастыре в чин иеромонаха был посвящен прп. Серафим Саров-

ский, в с. Липовица Тамбовского уезда в 1812 г. родился и в 1834 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию Александр Гренков, известный как прп. Амвросий Оптинский. При духовном руководстве прп. Серафима возникли женские общежительные общины в Кирсанове и в имении помещицы Сухотиной. Справедливо утверждает митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий, что время служения на тамбовской кафедре святителя Феофана (Говорова) – это период расцвета женского монашества [15]. По количеству женских общин и монастырей Тамбовская епархия к концу XIX века конкурировала с такими древними центрами монашества, как Киев и Вологда, где также было 20 обителей. Помимо Москвы и Новгорода, большим количеством отличались: Владимирская епархия – 30 обителей, Тверская – 27, Нижегородская – 26, Ярославская – 24 [16, с. 619-629].

Резкое увеличение женских общин к концу XIX века вынудило Святейший синод в 1881 г. разрешать существование внештатных женских общин и монастырей без высочайшего утверждения. С 1893 г. высочайше было одобрено ходатайство Синода разрешать женским монастырям иметь сверхштатное количество монашествующих и послушников, при наличии собственных средств, а также было разрешено опустевшие мужские монастыри преобразовывать в женские. Хотя Священный собор Русской православной церкви не принял прямых решений, касающихся женского монашества, актуальность женского вопроса, в целом, показывает, что к началу XX века роль женщин в церковной организации общества заметно возросла³. Проблемы женского монашества на Соборе затрагивались в качестве дискуссионного вопроса о возрасте монашеского пострига, дискутировались также вопросы о привлечении женщин к делу проповеди, об участии в деле просвещения и миссии и других поприщах церковного служения [17, с. 116-117]. Решения Собора охватили такие вопросы, как восстановление чина дьяконисс, право женщины входить в алтарь, участие женщин в церковном управлении, право женщины быть старостой [17, с. 95-108].

³ ГАРФ. Ф. 343. Оп. 1. Д. 325. Поместного собора Православной Всероссийской Церкви Дело об участии женщины в жизни Церкви. Л. 132.

Оценка суммарных мнений по женскому вопросу содержалась в докладе протоиерея И.И. Галахова «Об участии женщин в соборной жизни Церкви» [17, с. 110-117].

К подражанию высоким образцам монашеского служения звали имена и деяния выдающихся представительниц женского монашества: духовной дочери прп. Серафима Александры Мельгуновой, юродивой во Христе Пелагеи Серебряковой. В ряду замечательных женщин на монашеском поприще архим. Георгий (Тертышников) называет: праведную Иулианию (Осоргину; 1530–1605), Феофанию (Готовцеву; 1787–1866), схиигумену Феофанию Сидорову (1800–1880), игумену Филарету (Шлиппенбах), игуменю Таисию (Солопову; 1842–1915) [6]. В этом блистательном ряду не забыто и имя тамбовской подвижницы – игуменни Сухотинского Знаменского монастыря Дорофеи (Кудрявцевой).

Новое поколение женщин-монахинь отличалось от прежних высокой образованностью, некоторые из выдающихся монахинь-подвижниц не только получили образование в лучших российских институтах для девиц, но и являлись церковными писателями. Например, игуменья Таисия (Солопова), именуемая верующими – «игуменья всея Руси» [18], устроительница многих женских обителей, настоятельница Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря, духовная дочь святого праведного Иоанна Кронштадтского [19, с. 407], – была автором немало числа духовных сочинений и мемуаров: «Письма игуменни Таисии к новоначальной инокине о главнейших обязанностях иноческой жизни», «Акафист святому праведному Симеону Богоприимцу», «Беседы с праведным Иоанном Кронштадтским», «Духовные стихотворения игуменни Таисии (Солоповой)» и др. Ее сочинения публиковались в церковной печати – «Прибавлениях к церковным ведомостям», «Новгородских епархиальных ведомостях»; в 2017 г. ее труды вышли трехтомным изданием [20, с. 360]. В духовном наследии игуменни особое место принадлежит мемуарам, где дается редкое свидетельство о внутренней жизни монастыря, обычно скрытое от наблюдателя. Игуменья Таисия, в частности, отмечает, что монашествовавшие женщины руководствовались двумя началами – «на-

родным благочестием и аскетической традицией» [21, с. 214-215].

Облик женского монашества второй половины XIX – начала XX века менялся под мощным воздействием процессов модернизации, вошедшей в конфликт с традиционным укладом жизни всех сословий русского мира. Как доказывают исследования Б.Н. Миронова, одним из результатов модернизации стало движение к личностной реализации, повышению социального статуса личности. Условием этой новации явились трансформации в системе отношений главного агента социализации личности – в семье: «...именно семье принадлежит ведущее место в современных европейских обществах, несмотря на важную роль дошкольных и школьных учреждений, высшего образования, средств массовой информации. Родители дают модель поведения детям, отклонения от которой редки» [10, т. 1, с. 264].

Все сказанное выше о причинах, побудивших женщин объединяться в общины на основе общежительного устава, справедливо и для тамбовского женского монашества, в среде которого нашлись благочестивые представительницы дворянского и крестьянского сословий, пришедших искать себе спасения на основах киновии. Женское общинное движение оказалось столь сильно, что правительству пришлось принять меры к сдерживанию этой инициативы. Если мужской общине для преобразования в монастырь достаточно было экономического и организационного обоснования, то женской, помимо того, следовало подать сведения о личном составе монашествующих и послушниц, документы на завещанное и/или пожертвованное имущество, справку из министерства внутренних дел об отсутствии препятствий, а также личное соизволение Государя. Определенные требования предъявлялись к организации быта – благоустроенное пространство, исправные богослужебные, общежительные и хозяйственные помещения; подтверждение о возможности содержать проживающих и имущество, справка о наличии и возможности иметь учебные и/или благотворительные учреждения. Примером тому может служить история преобразования в монастырь женской общины в поместье

Варвары Сухотиной – Сухотинский Знаменский женский монастырь⁴.

Женскую активность в области образования религиозных общин можно интерпретировать не только как часть процесса феминизации, но как альтернативного движения, полагавшего реализацию личностного потенциала не в русле рационалистического мировоззрения, но традиционного. «...ни в среде крестьянства, ни в среде городских низов патриархально-авторитарная основа внутрисемейных отношений не была серьезно подорвана и в основных чертах сохранилась к 1917 г. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в российской деревне 1920-х гг., как показали специальные исследования, традиционные взгляды на семью и женщину, оставались очень прочными... авторитарность внутри семьи была в большей или меньшей степени поставлена в рамки закона <...> превалирование патриархально-авторитарных отношений в семьях всех сословий поддерживало крепостнический характер социальных отношений в обществе и политический абсолютизм в государстве по той причине, что авторитарные семьи воспитывали в людях черты авторитарной личности, со всеми вытекающими из этого экономическими и социальными последствиями... В пореформенное время начались изменения в семейном укладе жизни всех сословий. Но даже среди образованной части общества эти

⁴ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 106. Д. 686. Роспись документов по учреждению женского монастыря в имени В. Сухотиной. Л. 357.

изменения не зашли слишком далеко. Социальная неполноценность детей и женщин оставалась непреложным фактом российской действительности» [10, т. 1, с. 266-267]. Из сказанного понятно, что женщина стремилась реализовать себя в условиях православной среды, что справедливо как для неграмотного/малограмотного крестьянства, так и в среде получивших образование. Открывшийся доступ к образованию позволил женщинам найти реализацию в новой социальной группе, «однако и в новых профессиональных обществах женщины оказались внизу иерархической системы» [10, т. 1, с. 270].

В этом случае чрезвычайно перспективным представляется анализ монастырской общинной формы самоорганизации. Место в монастырской общине более отвечало благочестивому желанию женщины-крестьянки жить ради спасения души. Помимо того, монастырь открывал путь к образованию, социальной самореализации, минуя потери духовно-нравственного свойства. И.К. Смолич справедливо отмечает, что монастырский быт соответствовал традиционному кругу занятий женщины: «...крестьянская девушка в повседневном монастырском быту находила для себя такие занятия, которые были ей хорошо знакомы и в родительском доме... Можно утверждать, что поступление в монастырь давало удовлетворение ее духовным исканиям, не требуя радикальной перемены в образе жизни, при этом ее общественное положение повышалось, а вся ее жизнь приобретала глубокий смысл» [3, с. 291-293].

Список литературы

1. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века // Монашество и монастыри в России: XI–XX века: Исторические очерки. М.: Вербум, 2002. 319 с.
2. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в Православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
3. Смолич И.К. Русское монашество (988–1917). Приложение к «Истории Русской Церкви. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 1997. 606 с.
4. Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. 623 с.
5. Белякова Е.В., Белякова Н.А. Вопрос о диакониссах на Поместном соборе 1916–1917 гг. // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 139-161
6. Георгий (Тертышников), архимандрит. Женское монашество в России XVIII–XIX веков // Альфа и Омега. 1999. № 2 (20). URL: <http://archive.bogoslov.ru/biblio/text/264356/index.html> (дата обращения: 03.04.2011).
7. Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М.: Рос. полит. энцикл., 1996. 608 с.
8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 465 с.

9. *Кобяков Иоанн, прот.* Беседа по прочтении Высочайшего манифеста о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта // Прибавления к тамбовским епархиальным ведомостям. 1861. № 10. С. 225-230.
10. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003.
11. *Гончаров И.А.* Обрыв. М.: АСТ, 2004. 185 с.
12. *Тургенев И.С.* Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 13 т. М.: Наука, 1981. Т. 6.
13. *Лесков Н.С.* Некуда // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Изд-во «Правда», 1989. Т. 4.
14. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Моя судьба. М. Крамской // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худ. лит., 1966. Т. 5.
15. *Феодосий (Васнев), митрополит.* Святитель Феофан Затворник: наставления монашествующим Тамбовских женских обителей. URL: [Богослов.ru/https://bogoslav.ru/article/5583955](http://bogoslav.ru/https://bogoslav.ru/article/5583955) (дата обращения: 02.11.2017).
16. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин с кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и 4 алфавитными указателями; с указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций / сост. Л.И. Денисов и др. члены Московского общества любителей духовного просвещения. М.: Изд-во А.Д. Ступина, 1908. 984 с.
17. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о роли женщин в Церкви / сост. Р.Г. Иферов; под общ. ред. А.И. Мраморнова. М.: Старая Патловка, 2020. 120 с.
18. *Чижова М.* «Игуменья всяя Руси». Памяти игуменнии Таисии (Солоповой). URL: <https://pravoslavie.ru/109887.html> (дата обращения: 15.01.2018).
19. *Мальцев М.Г.* Жизнеописание игуменнии Леушинского монастыря Таисии (Солоповой). СПб.: ИПК «Бионт», 2016. 760 с.
20. *Таисия (Солопова), игум.* Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Общество памяти игуменнии Таисии, 2017.
21. *Таисия (Солопова), игум.* Автобиографические записки. М.: Отчий дом, 2019. 400 с.

References

1. Zyryanov P.N. Russkiye monastyri i monashestvo v XIX – nachale XX veka [Russian monasteries and monasticism in the 19th – early 20th century]. *Monashestvo i monastyri v Rossii: XI–XX veka: Istoricheskiye ocherki* [Monasticism and Monasteries in Russia: 11th – 20th Centuries: Historical Sketches]. Moscow, Verbum Publ., 2002, 319 p. (In Russian).
2. Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko E.B. *Zhenshchina v Pravoslavii: tserkovnoye pravo i rossiyskaya praktika* [Woman in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011, 704 p. (In Russian).
3. Smolich I.K. *Russkoye monashestvo (988–1917). Prilozheniye k «Istorii Russkoy Tserkvi* [Russian Monasticism (988–1917). Appendix to the History of the Russian Church]. Moscow, ChurchScientific. Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., 1997, 606 p. (In Russian).
4. Firsov S.L. *Russkaya tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [Russian Church on the Eve of Changes (late 1890s – 1918)]. Moscow, Cultural Center “Spiritual Library” Publ., 2002, 623 p. (In Russian).
5. Belyakova E.V., Belyakova N.A. Vopros o diakonissakh na Pomestnom sobore 1916–1917 gg. [Issue of deaconesses at the Local Council of 1916–1917]. *Tserkovno-istoricheskiy vestnik* [Church History Bulletin], 2001, no. 8, pp. 139-161. (In Russian).
6. Georgiy (Tertyshnikov), archimandrite. Zhenskoye monashestvo v Rossii XVIII–XIX vekov [Female monasticism in Russia in the 18th – 19th centuries]. *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega], 1999, no. 2 (20). (In Russian). Available at: <http://archive.bogoslav.ru/biblio/text/264356/index.html> (accessed 03.04.2011).
7. Samarin Y.F. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1996, 608 p. (In Russian).
8. Tikhomirov L.A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical Statehood]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1992, 465 p. (In Russian).
9. Kobayakov Ioann, archpriest. Beseda po prochtenii Vysochayshego manifesta o darovanii krepostnym lyudyam prav sostoyaniya svobodnykh sel'skikh obyvateley i ob ustroystve ikh byta [Conversation after reading the Highest Manifesto on granting serfs the rights of the state of free rural inhabitants and on the struc-

- ture of their life]. *Pribavleniya k tambovskim eparkhial'nym vedomostyam* [Additions to the Tambov Eparchial Bulletins], 1861, no. 10, pp. 225-230. (In Russian).
10. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social History of Russia during the Period of the Empire (18th – Early 20th Centuries): in 2 vols.]. St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin" Publ., 548–568 p. (In Russian).
  11. Goncharov I.A. *Obryv* [The Precipice]. Moscow, AST Publ., 2004, 185 p. (In Russian).
  12. Turgenev I.S. *Dvoryanskoye gnezdo* [Home of the Gentry]. In: Turgenev I.S. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 13 t.* [Complete Works and Letters: in 3 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 6. (In Russian).
  13. Leskov N.S. *Nekuda* [No Way Out]. In: Leskov N.S. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 4. (In Russian).
  14. Saltykov-Shchedrin M.E. *Moya sud'ba. M. Kramskoy* [My destiny. M. Kramskoy]. In: Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobraniye sochineniy: v 20 t.* [Collected Works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966, vol. 5. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_1864_moya_sudba.shtml (accessed 12.03.2015).
  15. Feodosiy (Vasnev), metropolitan. *Svyatitel' Feofan Zatvornik: nastavleniya monashestvuyushchim Tambovskikh zhenskikh obiteley* [Saint Theophan the Recluse: Instructions for Monastics in the Tambov Women's Monasteries]. (In Russian). Available at: [Bogoslav.ru/https://bogoslav.ru/article/5583955](https://bogoslav.ru/article/5583955) (accessed 02.11.2017).
  16. Denisov L.I. et al. (compilers). *Pravoslavnyye monastyri Rossiyskoy imperii: polnyy spisok vsekh 1105 nyneshchestvuyushchikh v 75 guberniyakh i oblastyakh Rossii (i 2 inostrannykh gosudarstvakh) muzhskikh i zhenskikh monastyrey, arkhieyevskikh domov i zhenskikh obshchin s kratkim topograficheskim, istoriko-statisticheskim i arkhieologicheskim opisaniyem, bibliograficheskimi primechaniyami, statisticheskoy tablitsy i 4 alfavitnymi ukazatelyami; s ukazaniyem blizhayshikh k monastyryam pochtovykh i zheleznodorozhnykh stantsiy* [Orthodox Monasteries of the Russian Empire: a Complete List of All 1105 Currently Existing in 75 Governorates and Regions of Russia (and 2 Foreign States) Male and Female Monasteries, Bishops' Houses and Women's Communities with a Brief Topographic, Historical, Statistical and Archaeological Description, Bibliographic Notes, Statistical Table and 4 Alphabetic Indexes; with an Indication of the Nearest Postal and Railway Stations to the Monasteries]. Moscow, A.D. Stupin Publ., 1908, 984 p. (In Russian).
  17. Iferov R.G. (compiler), Mramornov A.I. (gen. ed.). *Svyashchenny Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg. o roli zhenshchin v Tserkvi* [Sacred Cathedral of the Orthodox Russian Church 1917–1918 on the Role of Women in the Church]. Moscow, Staraya Patlovka Publ., 2020, 120 p. (In Russian).
  18. Chizhova M. «*Igumeniya vseya Rusi*». *Pamyati igumenii Taisii (Solopovoy)* ["Hegumenia of All Russia". In Memory of Hegumenia Taisiya (Solopova)]. (In Russian). Available at: <https://pravoslavie.ru/109887.html> (accessed 15.01.2018).
  19. Maltsev M.G. *Zhizneopisaniye igumenii Leushinskogo monastyrya Taisii (Solopovoy)* [Biography of Hegumenia of the Leushinsky Monastery Taisiya (Solopova)]. St. Petersburg, IPK "Biont" Publ., 2016, 760 p. (In Russian).
  20. Taisiya (Solopova), hegumen. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols.]. St. Petersburg, Obshchestvo pamyati igumenii Taisii Publ., 2017. (In Russian).
  21. Taisiya (Solopova), hegumen. *Avtobiograficheskiye zapiski* [Autobiographical Notes]. Moscow, Otchiydom Publ., 2019, 400 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сергунин Владимир Александрович, протоиерей, старший преподаватель кафедры «Церковно-практическая». Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация; доцент кафедры теологии, соискатель, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vlaser@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6959-5298>

Поступила в редакцию 26.06.2020 г.
Поступила после рецензирования 24.07.2020 г.
Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Vladimir A. Sergunin, archpriest, Senior Lecturer of "Church and Practical" Department. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation; Associate Professor of Theology Department, Competitor, General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vlaser@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6959-5298>

Received 26 June 2020
Reviewed 24 July 2020
Accepted for press 25 September 2020